

Дело Азари, или «наши дети» больше не дети?



Эльор Азария с матерью в зале суда

Сержант Эльор Азария, добивший 24 марта прошлого года в Хевроне уже обезвреженного террориста выстрелом в голову, признан виновным в непредумышленном убийстве. При этом 70% израильтян выступают за помилование сержанта, по стране прокатились массовые демонстрации в его поддержку, в ходе которых звучали угрозы судьям, отдельным политикам и армейской системе. Чем обернулось дело Азари для израильского общества и о каких процессах оно свидетельствует, — в интервью с политологом, завучем организации «Мидраша Ционит» Элиэзером Шаргородским.

— Элиэзер, сколь часто израильское общество демонстрирует массовое несогласие с приговором суда по резонансному делу?

— Честно говоря, на моей памяти такого не было — даже когда из тюрем выпускали сотни террористов. Видимо, дело Азари из частного случая стало отражением важных общественных тенденций.

Напомню, что буквально за несколько дней до инцидента в Хевроне

заместитель начальника Генерального штаба генерал-майор Яир Голан в День Катастрофы и Героизма не нашел ничего лучшего кроме, как сравнить процессы, характерные для Германии 1930-х годов, с тем, что происходит сегодня в Израиле, призвав при помощи памяти о Холокосте «давить ростки нетерпимости, насилия и саморазрушения на пути к моральной деградации». Тогда же, выступая в одной из школ, начальник Генштаба Гади Айзенкот заявил, что армия не может действовать согласно талмудическому принципу «Кто пришел тебя убить — убей его первым», который Айзенкот назвал не более чем «лозунгом».

При всем уважении к этим людям, а их есть за что уважать (тот же Голан неоднократно руководил контртеррористическими операциями), понятие «победа» исчезает из этического кода армии. Когда целью становится борьба с «нетерпимостью и насилием», а не победа над врагом, — это не добавляет солдатам мотивации. На фоне этого противостояния между светским постмодернизмом и здравым смыслом и прозвучал выстрел Азари.

— Приговор сержанту поставил страну перед принципиальным выбором: сохранение имиджа «самой гуманной армии» или использование в борьбе с террором методов, которые в западном мире (к которому причисляет себя и Израиль) считаются неприемлемыми. Понятно, что с волками жить — по-волчьи выть, но до сих пор еврейское государство по праву гордилось тем, что отличается от волков...

— Когда недавний министр обороны Буги Яалон, будучи офицером спецназа, ликвидировал в 1988-м Абу Джихада в Тунисе, то не задавался вопросом, морально ли разряжать весь магазин в террориста, не представляющего в данный момент опасности.

Можно вспомнить и о деле «автобуса 300», когда сотрудники ШАБАКА, освободив заложников, убили двух палестинских террористов уже после их задержания, не предавая суду.



На демонстрации в поддержку солдата

В ходе противостояния с террористом я ему не уподобляюсь, а ровно наоборот — ликвидируя боевика, я спасаю жизни людей, которых он хотел убить. Приняв решение стать убийцей, он лишил себя права на жизнь — по крайней мере, так полагает еврейская традиция в отличие от членов военного суда, которые понятие «святость жизни» относят и к террористу.

— Тем не менее одно дело — убить террориста в бою (или санкционировать операцию по его ликвидации, как это было в случае с Абу Джихадом) и совсем другое — самосуд. Напомню, что после дела «автобуса 300» разразился грандиозный скандал, в результате которого ушли в отставку 15 высших офицеров ШАБАКА, включая его главу. Так или иначе, но до сих пор этический код ЦАХАЛа не мешал ему побеждать во всех войнах и вести успешную борьбу с террором...

— Эльор Азария, действительно, нарушил этот код. Другое дело, что обвинительный вердикт был известен заранее, поскольку против солдата выступили все его командиры, а суд проигнорировал свидетельства о том, что террорист все еще представлял опасность. Армия отправила этого парня на войну, но когда он оступился, то сразу отмежевалась от него и осудила как

преступника. Да, он нарушил армейскую дисциплину и был осужден на основании своих слов о том, что террорист не должен оставаться в живых. Такой позиции придерживается значительная часть израильского общества, тем не менее, факт остается фактом — за нарушение дисциплины надо карать. Но как солдата, допустившего правонарушение, а не как убийцу. Большинство израильтян восприняли этот суд как нарушение общественного договора, для армии же он превратился в дело принципа.



Подследственного встречают как героя

— Недаром накануне оглашения приговора начальник Генерального штаба ЦАХАЛа заявил, что 18-летний молодой человек, призванный в армию, — это солдат, а не «наш общий ребенок».

— Именно это и не может принять общество, которое десятилетия приучали к мысли о том, что все солдаты — наши дети. Именно поэтому ради освобождения Гилада Шалита, допустившего не одну, а много оплошностей, — выпустили из тюрем более тысячи террористов. Он заснул в танке, после нападения не открыл огонь и поспешил сдаться — все это так, но, несмотря на все его проступки, Шалита никто не исключал из числа «наших детей». Что же получается? В одном случае оплошность солдата стоила нам освобождения 1027 террористов, многие из которых вернулись к своему ремеслу, в другом — когда солдат добил террориста, — мы судим его, отказывая в праве быть нашим сыном?

Я помню слова генерала Эреза Герштейна, благословенна его память, командира подразделения по связям с [Ливаном](#): «Если мои солдаты совершили правонарушение — судите меня». Потому что солдат не может воевать, зная, что при первой оплошности он окажется один на один с огромной судебной системой.

— Ряд комментаторов утверждает, что после выстрела Азарии палестинский террор пошел на спад. Насколько оправданы подобные рассуждения, учитывая, что в 95% терактов мы имеем дело с шахидами, готовыми умереть, а культ смерти в палестинском обществе стимулирует постоянное пополнение рядов камикадзе. Не обманываем ли мы себя, полагая, что введение смертной казни или самосуд способны остановить террор?

— Да, это наивно, но не добивание террориста или передача его в руки закона служат гарантией победы. Победа зависит от ощущения правоты твоих действий. Если суд над Азарией отражает наши сомнения в правомерности еврейского присутствия здесь, — это делает Израиль слабее. Если процесс, как многие считают, свидетельствует о моральности нашей армии, о том, что мы готовы придерживаться высоких моральных стандартов, несмотря на непростые условия, поскольку это залог нашей победы, — тогда он делает нас сильнее — я вижу это по своим друзьям.

Что же касается врагов, то очень важно не напяливать на них *наши* ценности. У них свое мировоззрение, в рамках которого подобное поведение равноценно признанию нашей вины. А раз мы виноваты, то почему бы не разрушить дом

Азари, как потребовал один арабский депутат Кнессета, в соответствии с мерами, применяемыми по отношению к семьям террористов. И это, по-своему, логичный подход. Сказали А — скажите и Б!

— На протяжении десятков лет ЦАХАЛ остается институтом, пользующимся наибольшим доверием общества. На этом фоне нападки на высшее армейское командование, а также угрозы судьям можно назвать беспрецедентными. Это тоже новая тенденция, с которой придется свыкнуться Израилю?

— ЦАХАЛ по праву называют народной армией. А раз так, то она должна отражать ценности народа, а не навязывать ему свои. Когда армия возлагает на себя, как Яир Голан, этические функции, подводя к мысли о том, что главный враг — это враг внутренний, солдату трудно идти в бой. Он должен понимать, за что воюет, — и это явно не улучшение качества жизни в Газе и не борьба за гендерное равноправие.



В ходе столкновений с полицией на митинге протеста у министерства обороны

У армии есть свои функции, но это не министерство образования, не министерство юстиции и даже не министерство обороны. Не надо расширять свои полномочия — это опасно. Как должны строиться отношения с Палестинской автономией, как воспитывать молодежь — в постмодернистском или национальном духе, — когда армия вмешивается в общественную полемику, то она становится частью этой полемики.

Можно вести моральный спор о том, легитимно ли убивать нейтрализованного террориста, но не надо вести его в суде, превращая в процесс над еврейской моралью, в рамках которой ликвидировать террориста не считается зазорным. Когда силовыми методами мне пытаются навязать принципы, оторванные от действительности, это вызывает протест и делает гуманистическое кредо еще менее популярным в глазах общества.

— Тем не менее даже из правого лагеря в отношении поступка Азарии раздаются иногда критические голоса. Так, депутат от «Ликуда» рав Иехуда Глик — символ борьбы за право евреев молиться на Храмовой горе, который сам два года назад подвергся нападению террориста, сожалеет, что солдат не нашел в себе мужества просто сказать: «Я ошибся». Рав Глик, кстати, выступает против помилования Азарии и допускает лишь смягчение наказания, но только при условии признания солдатом своей вины.

— Есть и такая позиция, и это часть нашего внутреннего спора. Я знаком с равом Гликом — это выдающийся человек, раввин, историк, отслуживший в бронетанковых войсках и в разведке, поселенец, живущий к югу от Хеврона, генеральный директор Института изучения Храма. Тора — это не единственное разрешенное мнение, а постоянный диалог, но диалог этот не должен проходить в суде.

— С одной стороны, Эльор Азария признан виновным, с другой — ведущие политики, как от коалиции (включая премьер-министра), так и от оппозиции, призывают к его помилованию. Не станет ли это легитимацией подобного поведения, когда все понимают, что налицо нарушение закона, но предпочитают спустить дело на тормозах, чтобы не будоражить общественное мнение?

— По большому счету, все понимают, что систему занесло. Израильское

общество в целом и армия в частности основаны не на этическом кодексе, а на чувстве взаимной ответственности. Один из главных принципов ЦАХАЛа — солдата не оставляют на поле боя. Поэтому, когда Эльор Азария был брошен на юридическом поле боя, это вызвало протест и справа, и слева.

Один из лидеров левого лагеря Шели Яхимович, которая тоже ратует за помилование Азарии, была до прихода в политику известным журналистом — обозревателем Второго канала израильского телевидения. Когда в 1990-х возникла организация «Четыре матери», призывавшая к выводу израильских войск из Ливана, руководствуясь принципом «наши солдаты — наши дети», то именно Яхимович стала их рупором. Может ли она сегодня признать, что наши солдаты — уже не наши дети и к ним надо перестать относиться как к сыновьям? Нет, разумеется, и подобные чувства характерны для большинства израильтян, каких бы воззрений они ни придерживались.

Беседовал Михаил Гольд